

**Читайте остросюжетные романы
Елены Дорош
в серии «Вечерний детектив»:**

Брошь с черным опалом

Портрет девочки в шляпе

Королевская лилия

Крест Шарлотты

Антикварная история

Пруд с золотыми рыбками

Слеза Евы

Забывтый аромат

Семейная реликвия

Красное солнце валькирии

Е Л Е Н А
Д О Р О Ш

ЗАБЫТЫЙ
АРОМАТ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д69

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Д. Васильченко*

Дорош, Елена.

Д69 Забытый аромат: [роман] / Елена Дорош. —
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-192564-2

Серафиме Сидоровой не очень везет в жизни: она потеряла и родителей, и родной дом. Единственное, что никто не может у нее отнять, – способность различать запахи. Именно этот дар в конце концов помогает Серафиме найти пристанище и стать ученицей настоящего парфюмера. Знаменитый Константин Верстовский открывает перед ней дверь в волшебный мир ароматов, где Серафима сможет отточить свой редкий талант.

Девушка боготворит учителя. Вот только тот ли он, за кого себя выдает? Или в его шкафу спрятаны страшные тайны, которые однажды станут угрозой и для нее самой?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-192564-2

© Дорош. Е., 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

СЕРАФИМА СИДОРОВА В БЕДЕ

Лавочка была подходящая. Сколоченная не из редких плашек, а плотно уложенных струганных досочек. И главное — длинная. Серафима улеглась на ней во весь рост и с наслаждением вытянула ноги, натруженные праздным шатанием по городу в ожидании, когда люди наконец утомятся и можно будет найти укромный уголок для ночлега.

Облюбованная ею лавка стояла не так уж далеко от тропинки, но со всех сторон ее обступали густые, разросшиеся к середине лета кусты, поэтому лежащего человека видно не было.

И как ее до сих пор бомжи не обжили? Хорошая лавка. Удобная.

Впрочем, бомжей, даже если кто из них и заявит претендовать на ночлег, она не боялась. Полиция — дело другое. Легко можно угодить в обезьянник, только попадись. Хотя в ее положении сошел бы и обезьянник. Уж всяко теплее, чем в парке. В Питере ночи холодные.

Рюкзак она положила под голову и стала уже задремывать, но кто-то в ее голове вдруг стал настойчиво советовать одеться потеплее. Своей голове Серафима верила, как никому. Если бы не она, лежать бы ей давно в могиле! Пересилив себя, Серафима выудила из рюкзака ветровку и свитер, старательно утеплилась и снова вытянулась на лавке. Надо же, и ноги не свисают.

Ночевать на лавках за последние десять дней ей все же приходилось нечасто: так, раза три, поэтому на то, что заснет скоро, она не надеялась.

Что ж, пускай. Будет время обдумать диспозицию.

Она сложила руки на груди и приготовилась к долгим раздумьям.

Ну, с чего начнем?

Где-то далеко заиграла музыка. Таковую всегда заказывают в ресторанах ближе к полуночи. Люди уже наелись и напились, поэтому дрыгаться ни у кого нету сил. Вот и включают медляк, чтобы можно было качаться на танцполе, держась друг за друга.

Музыка была приятная. Серафима заслушалась и незаметно для себя заснула.

Странно, но ни отчим с пудовыми кулаками, ни Денис с гадкой ухмылкой ей не снились.

Наверное, голова решила, что хозяйке пора отдохнуть.

Она спокойно спала почти до утра.

А проснуться выпало по-звериному.

Через кусты к ее лавочке кто-то пробирался. Осторожно, таясь и стараясь не шуметь.

Серафима замерла, прислушиваясь, а затем резко вскочила и повернулась к непрошеному гостю. Ну давай, сволочь!

В редющем утреннем полумраке на нее смотрела большая собака. Серафима в породах разбиралась не очень, но лабрадора узнала легко — часто видела в кино. Там такие у богатых хозяев живут. Эта что, потерялась?

Серафима пригляделась, но ошейника не увидела. Наверное, помесь. Папаша благородных кровей, а мамка — дворняжка, вот собака и бомжует по паркам.

Пока она размышляла о судьбе собаки, та, не торопясь, вышла из кустов, подошла и уселась возле скамьи.

Людей не боится. Не рычит. Не скалится. Красивая. Цвета кофе с молоком. Или шоколада молочного. И на вид ухоженная.

— Ты откуда взялась, псина?

Псина повернула голову и посмотрела Серафиме прямо в сердце.

— Потерялась? Или бросили?

Собака вдохнула и потянула носом в ее сторону.

— Ты вроде меня, что ли? И дом есть, и родные вроде тоже, а приходится по кустам шариться.

Собака слушала, наклонив голову, а потом подошла и прижалась к ноге теплым боком.

— Ишь ты...

Серафима почесала собаку за ухом, погладила мягкую шерсть. Пес точно домашний. Бродячие воняют, а этого недавно мыли с шампунем.

— Не похожа ты на бездомную.

Собака глянула снизу вверх, словно спросила: «А ты похожа?»

Серафима хмыкнула. Если пока и не похожа, то это ненадолго. Еще пару ночей в парке, и можно будет смело записываться в бомжихи.

Если только она не придумает, как выбраться из этого тупика.

Серафима сделала пару кругов вокруг скамейки, разминая ноги. Собака немного походила за ней, потом сунула нос в кусты и выволокла оттуда что-то, цепляющееся за ветки.

— Чего ты там тянешь? Фу! Брось! Падаль какая-нибудь! Собака ты противная!

Не слушая вопли, собака притащила к ее ногам какой-то обрывок.

Серафима нагнулась и посмотрела внимательно. Потом подняла порванный ошейник и прочла надпись, накорябанную на металлической пластинке:

— Фридрих Барбаросса. Это ты, что ли?

Она с сомнением посмотрела на собаку.

— За что же честного пса назвали таким именем? Кто хоть он такой, этот Барбоса?

Собака сделала скучную морду.

— Во всяком случае, ясно, что ты мальчик. Буду звать тебя Барбосом. Согласен?

Пес подумал и гавкнул.

— Ну, значит, так, Барбос. Пошли искать пропитание. Только сначала сбегаяю в кустики пописать. Посторожишь?

Серафима огляделась и, не обнаружив свидетелей, полезла в кусты.

Барбос тоже посмотрел по сторонам и улегся неподалеку. Стеречь.

В деревне, где она родилась, у всех была одна фамилия — Сидоровы. Отличиться можно было только именем. Мать с отцом долго думали, как назвать девочку. Все хорошие имена были разобраны. Татьяны, Светланы и Ольги встречались на каждом шагу, были Ксении, Оксаны и Катерины с Настасьями. Случались экзотические, вроде Лады или Миланы. Анжелой называть не хотел отец — ему казалось, что имя «какое-то проститутское», а Людмилу не жаловала мать. В детстве ее заставляли пасти корову Людку, а та была бодучей и вредной.

Как они сошлись на Серафиме, одному Богу известно, наверное, от отчаяния, но зато такое имя было только у нее. Редкое, зато красивое.

Когда она окончила третий класс, семья переехала поближе к Петербургу, практически в пригород. Там, в новой большой школе, девочка узнала,

что она деревенская дебилка и звать ее теперь будут Сидорова коза. До скончания веков.

Так и повелось. Сначала Сима отчаянно дра-лась с каждым, кто ее обзывал, но довольно бы-стро поняла бесперспективность своих порывов. Их было много, а она одна-одинешенька. Тог-да девчонка нашла другой путь: стала придумы-вать злые прозвища в ответ. Видимо, получалось у нее неплохо — число желающих поквитаться с ней за «обзывалки» резко выросло. Длилось это все шесть лет, до окончания девятого класса, с пе-ременным успехом. Сима росла девочкой креп-кой, и не каждый одноклассник мог выйти про-тив нее один на один. Наваливаться кучей злыдни тоже не решались. Сидоровский папаша работал в местном отделении полиции и за дочку с легко-стью повырывал бы пацанам руки-ноги. Так что стычки были мелкими, зато регулярными.

Так она и просидела в окопе до самого выпуск-ного. В десятый класс не пошла. Хватит, настра-далась! Подала документы в колледж на флориста. А что? С цветами и вообще с зеленухой разной воз-иться умела, любила составлять букеты и всякое такое.

А еще, как говорила мамка, была «нюхачкой». Точнее сказать родительница не могла, но в пере-воде это значило, что Симка с ходу могла опре-делить, какому цветку принадлежит запах. С этими запахами вообще была беда! Еще ребенком, чуть

что не так пахнет, начинала фукать и нос воротить. Мать сначала злилась, что девчонка растет такой привередой, а потом смекнула, как редкую особенность можно использовать в мирных целях, и стала звать дочь, когда надо было выяснить, не прокисло ли молоко и свежее ли мясо привезли на продажу местные фермеры. Разузнав, в чем дело, за помощью стали приходиться соседи. То колбасу понюхать, то пластмассовую игрушку (не от нее ли у ребенка началась аллергия).

Во время учебы Симкин талант развился. Не то чтобы расцвел, а все же пригодился. Составляя букеты, она подбирала цветы по аромату. Ну, чтобы, дополняя друг друга, запахи усиливали общее благоухание, так она объясняла. Результатом стал бонус от колледжа: директор рекомендовала Серафиму в лучший цветочный магазин района. Туда, правда, девчонку не взяли — рабочие места оказались заняты родственниками хозяйки, — но было приятно.

На работу по специальности она все же устроилась. Пробилась, так сказать. Недаром мать с детства считала ее «профурсеткой», подразумевая способность добиваться своего и не подозревая об истинном значении этого слова.

Не то чтобы Серафима росла нагловатой, хотя грубоватость, конечно, присутствовала. Доминирующей чертой характера девочки было упрямство, переходящее в зашкаливающую упертость. Нико-

му из окружающих ее характер не нравился, однако сама Серафима была им вполне довольна, ведь из всех выпускниц устроиться там, где мечталось, удалось лишь ей.

Магазин был маленький и располагался на окраине районного центра, зато Сима была единственной флористкой, следовательно, никакой конкуренции, и никто не мешал ей составлять букеты по своему вкусу. Имелась еще сменщица, но та букетов не крутила, продавала те, что делала Серафима, и на жизнь не жаловалась. Ее композиции раскупались хорошо, хозяйка была довольна и даже стала выплачивать небольшие премиальные с доходов.

Серафима искренне считала, что шикарно зарабатывает, щедро делилась с родными и чувствовала себя крутым профессионалом.

И все было отлично, пока не заболел отец. Тутто и выяснилось, что зарабатывает Серафима такие гроши, которых не хватит не то чтобы вылечить человека, но даже облегчить ему боль.

Когда отец, так и не дождавшись бесплатной операции, умер, Сима с матерью поняли, что безнадежно обнищали.

Поскольку более денежная работа Симке не светила, мать, помаявшись, согласилась выйти замуж за соседа, давно бедовавшего в одиночку после смерти жены. Поговаривали, что сосед тяжел на руку и скор на расправу, но другого варианта все равно не предвиделось.

Серафима согласилась с решением матери: не из-за себя, из-за нее. При отце та никогда не работала, занималась хозяйством, поэтому казалось, что замужем ей всяко будет лучше.

Ни одна из их надежд не оправдалась. Сосед оказался настоящим садистом. Руки распускал по любому поводу и даже без него. Мать, не привыкшая к такому обращению, поначалу сопротивлялась, но получалось только хуже. Главное, Сима не могла ее защитить. После свадьбы она съехала из родительского дома, сняв комнату недалеко от работы.

Конечно, она видела: что-то не так, и пыталась добиться от матери правды, но та только головой мотала да прятала под одеждой синяки.

Допряталась! Однажды ее увезли в больницу с внутренним кровотечением, из которой она уже не вернулась. Позже Серафима узнала, что врачи уговаривали ее написать на мужа заявление в полицию, но она отказалась. Из-за дочери. Боялась, что зверюга на девчонке отыграется.

Так и померла.

Выписку из истории болезни Серафима не видела: отчим забрал. Похоронив мать, она совсем перестала приходить в дом, где обитал новоявленный хозяин, и была очень удивлена, когда тот стал захаживать к ней сам. Сначала плакался на свою несчастную жизнь и убивался по жене, а потом пред-

ложил Симе вернуться в отчий дом и жить там на правах дочери.

Серафима восприняла предложение в штыки. Не нравился ей этот мужик, и все тут! Но после смерти отца оставались долги, которые приходилось выплачивать в одиночку, снимать комнату все же было довольно накладно, поэтому через полгода уговоров она, скрепя сердце, переехала к отчиму.

Началось все не сразу. Сначала он просто потребовал, чтобы все заработанные деньги она отдавала в общий котел. Потом стал подозревать, что кое-какие средства она от него утаивает, и закатывать скандалы. Ну а на третьем этапе взялся за привычное: стал ее колотить.

Серафима, конечно, не мать. Она отбивалась ожесточенно, но совладать со здоровым откормленным бугаем ей было не под силу. Она только раззадоривала его и получала втрое больше. Через полгода такой жизни Серафима стала сдавать. Со всей очевидностью перед ней предстало ее будущее: быть забитой до смерти. Денег, чтобы сбежать, у нее не было. Гад теперь просто отбирал все до копейки.

Дело казалось безнадежным.

И тут появился Денис.

Он увидел ее, заглянув в цветочный магазин за букетом для мамы. Серафима, старательно пряча от симпатяги покупателя огромную синячину на скуле, собрала прекрасную композицию. Возвращаясь

с дня рождения, молодой человек зашел сказать, что мама осталась довольна. Серафима от похвалы забылась и улыбнулась, откинув волосы. След от кулака предстал перед покупателем во всей красе. Парень сделал вид, что ничего не заметил, и поинтересовался, когда закрывается магазин. «Через двадцать минут», — ответила она.

Так Серафима сначала оказалась в кафе за чашкой кофе, потом за бокалом шампанского, после которого рассиропилась и рассказала случайному знакомому свою историю.

Парень — оказалось, что работает он помощником нотариуса в частной конторе — жалеть ее не стал, а неожиданно спросил, кому после смерти матери достался дом. Серафима поморгала и ответила, что не знает. Денис кивнул, словно именно этого ответа и ожидал. Завтра он все узнает и расскажет ей. Серафима про «узнает» ничего не поняла, а про «расскажет» подумала, что это похоже на приглашение на свидание.

На следующий день Денис действительно явился к закрытию цветочного магазина, привел ее в другое кафе — лучше прежнего — и показал документы, по которым выходило, что завещания родители не оставили, но Серафима и без него получила дом в свое полное распоряжение. Осталось только оформить недвижимость на себя.